

В. Ф.
ОДОЕВСКИЙ

Избранное

Владимир Одоевский
Насмешка мертвеца

«Public Domain»

1843

Одоевский В. Ф.

Насмешка мертвеца / В. Ф. Одоевский — «Public Domain», 1843

«В карете сидела молодая женщина; блестящая перевязка струилась между ее черными локонами и перевивалась с нераспустившимися розами; голубой бархатный плащ сжимал широкую блонду, которая, вырываясь из своей темницы, волновалась над лицом красавицы, как те воздушные занавески, которыми живописцы оттеняют портреты своих прелестниц...»

© Одоевский В. Ф., 1843

© Public Domain, 1843

Владимир Федорович Одоевский

Насмешка мертвеца

Ревела осенняя буря; река рвалась из берегов; по широким улицам качались фонари; от них тянулись и шевелились длинные тени; казалось, то подымались с земли, то опускались темные кровли, барельефы, окна. В городе еще все было в движении; прохожие толпились по тротуарам; запоздавшие красавицы, как будто от бури, то закрывали, то открывали свои личики, то оборачивались, то останавливались; толпа молодежи их преследовала и, смеясь, благодарила ветер за его невежливость; степенные люди осуждали то тех, то других и продолжали путь свой, жалея, что им самим уже поздно за то же приняться; колеса то быстро, то лениво стучали о мостовую; звук уличных рылей носился по воздуху; и из всех этих разнообразных, отдельных движений составлялось одно общее, которым дышало, жило это странное чудовище, складенное из груды [людей и] камней, которое называют многолюдным городом. Одно небо было чисто, грозно, неподвижно – и тщетно ожидало взора, который бы поднялся к нему.

Вот с моста, вздутого прибывшей волною, вихрем скатилась пышная, шегольская карета, во всем похожая на другие, но в которой было нечто такое, почему прохожие останавливаются, говорят друг другу; «Это, верно, молодые!» – и с глупою радостью долго провожают карету глазами.

В карете сидела молодая женщина; блестящая перевязка струилась между ее черными локонами и перевивалась с нераспустившимися розами; голубой бархатный плащ сжимал широкую блонду, которая, вырываясь из своей темницы, волновалась над лицом красавицы, как те воздушные занавески, которыми живописцы оттеняют портреты своих прелестниц.

Подле нее сидел человек средних лет, с одним из тех лиц, которые не поражают вас ни телесным безобразием, ни душевной красотой; которые не привлекают вас и не отталкивают. Вас бы не оскорбило встретиться с этим человеком в гостиной; но вы двадцать раз прошли бы мимо, не заметив его, но вы не сказали б ему ни одного сердечного слова, но при нем бы вы побоялись того чувства, которое невольно вырывается из бездны душевной и терзает вас, пока вы не дадите ему тела и образа. Словом, в минуту сильной умственной деятельности вам было бы неловко, беспокойно с этим человеком; в минуту вдохновения – вы бы выкинули его за окошко.

Испуганная валами разъяренной реки, грозным завыванием ветра, красавица невольно то выглядывала в окошко, то робко прижималась к своему товарищу; товарищ утешал ее теми пошлыми словами, которые издавна изобрело холодное малодушие, которые произносятся без уверенности и принимаются без убеждения. Между тем карета быстро приближалась к ярко освещенному дому, где в окнах мелькали тени под веселый ритм бальной музыки.

Вдруг карета остановилась: раздалось протяжное пение; улица осветилась багровым пламенем; несколько человек с факелами; за ними гроб медленно двигался через улицу. Красавица выглянула; сильный порыв ветра отогнул оледенелый покров с мертвеца, и ей показалось, что мертвец приподнял посинелое лицо и посмотрел на нее с той неподвижной улыбкой, которою мертвые насмеваются над живыми. Красавица ахнула и, в беспамятстве, прижалась ко внутренней стенке кареты.

Красавица некогда видала этого молодого человека. Видала! она знала его, знала все изгибы души его, понимала каждое трепетание его сердца, каждое недоговоренное слово, каждую незаметную черту на лице его; она знала, понимала все это, но на ту пору одно из тех людских мнений, которое люди называют вечным, необходимым основанием семейственного счастья и которому приносят в жертву и гений, и добродетель, и сострадание, и здравый смысл, все это на несколько месяцев, – одно из таких мнений поставляло непреодолимую преграду

между красавицей и молодым человеком. И красавица покорилась. Покорилась не чувству, – нет, она затоптала святую искру, которая было затеплилась в душе ее, и, падши, поклонилась тому демону, который раздает счастье и славу мира; и демон похвалил ее повиновение, дал ей «хорошую партию» и назвал ее расчетливостью – добродетелью, ее подобострастие – благоразумием, ее оптический обман – влечением сердца; и красавица едва не гордилась его похвалою.

Но в любви юноши соединялось все святое и прекрасное человека; ее роскошным огнем жила жизнь его, как блестящий, благоухающий алоэс под опалю солнца; юноше были родными те минуты, когда над мыслию проходит дыхание бурно; те минуты, в которые живут века; когда ангелы присутствуют таинству души человеческой и таинственные зародыши будущих поколений со страхом внимают решению судьбы своей.

Да! много будущего было в этой мысли, в этом чувстве. Но им ли оковать ленивое сердце светской красавицы, непрерывно охлаждаемое расчетами приличий? Им ли пленить ум, беспреестанно сводимый с толку теми судьями общего мнения, которые постигли искусство судить о других по себе, о чувстве по расчету, о мысли по тому, что им случилось видеть на свете, о поэзии по чистой прибыли, о вере по политике, о будущем по прошедшему?

И все было презрено; и бескорыстная любовь юноши, и силы, которые она оживляла... Красавица назвала свою любовь порывом воображения, мучительное терзание юноши – переходящею болезнью ума, мольбу его взоров – модною поэтической причудою. Все было презрено, все было забыто. Красавица провела его через все мытарства оскорбленной любви, оскорбленной надежды, оскорбленного самолюбия...

Что я рассказал долгими речами, то в одно мгновение пролетело через сердце красавицы при виде мертвого: ужасною показалась ей смерть юноши, – не смерть тела, нет! черты искаженного лица рассказывали страшную повесть о другой смерти. Кто знает, что случилось с юношей, когда, сжатые холодом страдания, порвались струны на гармоническом орудии души его; когда изнемог он, замученный недоговоренною жизнью; когда истощилась душа на тщетное бореие и, униженная, но не убежденная, с хохотом отвергла даже сомнение, – последнюю, святую искру души – умирающей. Может быть, она вызвала из ада все изобретения разврата; может быть, постигла сладость коварства, негу мщениия, выгоды явной, бесстыдной подлости; может быть, сильный юноша, распаливши сердце свое молитвою, проклял все доброе в жизни! Может быть, вся та деятельность, которая была предназначена на святой подвиг жизни, углубилась в науку порока, исчерпала ее мудрость с тою же силой, с которою она некогда исчерпала бы науку добра; может быть, та деятельность, которая должна была помирить гордость познания с смирением веры, слила горькое, удушающее раскаяние с самою минутою преступления...

Карета остановилась. Бледная, трепещущая красавица едва могла идти по мраморным ступеням, хотя насмешки мужа и возбуждали ее ослабевшие силы. – Вот она вошла; она танцует; но кровь поднимается в ее голову; деревянная рука, которая увлекает ее за танцующими, напоминает ей ту пламенную руку, которая судорожно сжималась, прикасаясь до ее руки; бессмысленный грохот бальной музыки отзывается ей той мольбою, которая вырывалась из души страстного юноши.

Между толпами бродят разные лица; под веселый напев контрданса свиваются и развиваются тысячи интриг и сетей; толпы подобострастных аэролитов вертятся вокруг однодневной кометы; предатель униженно кланяется своей жертве; здесь послышалось незначущее слово, привязанное к глубокому, долголетнему плану; там улыбка презрения скатилась с великолепного лица и оледенила какой-то умоляющий взор; здесь тихо ползут темные грехи и торжественная подлость гордо носит на себе печать отвержения...

Но послышался шум... вот красавица обернулась, видит – иные шепчут между собою... иные быстро побежали из комнаты и трепещущие возвратились... Со всех сторон раздается крик: «Вода! вода!»; все бросились к дверям: но уже поздно! Вода захлестнула весь нижний этаж. В другом конце залы еще играет музыка; там еще танцуют, там еще говорят о будущем,

там еще думают о вчера сделанной подлости, о той, которую надобно сделать завтра; там еще есть люди, которые ни о чем не думают. Но вскоре всюду достигла страшная весть, музыка прервалась, все смешалось.

Отчего ж побледнели все эти лица? Отчего стиснулись зубы у этого ловкого, красноречивого риторика? Отчего так залепетал язык у этого угрюмого героя? Отчего так забегала эта важная дама, [эта блонда пополам с грязью]? О чем спрашивает этот великолепный муж, для которого и лишний взгляд казался оскорблением?.. Как, милостивые государи, так есть на свете нечто, кроме ваших ежедневных интриг, происков, расчетов? Неправда! пустое! все пройдет! опять наступит завтрашний день! опять можно будет продолжать начатое! свергнуть своего противника, обмануть своего друга, доползти до нового места! Послушайте: вот, некоторые смельчаки, которые больше других не думали ни о жизни, ни о смерти, уверяют, что опасность не велика и что вода сейчас начнет убавляться: они смеются, шутят, предлагают продолжать танцы, карточную игру; они радуются случаю остаться вместе до завтрашней ночи; вы в продолжение этого времени не потерпите ни малейшего неудовольствия. Смотрите: в той комнате приготовлены столы, роскошные вина кипят в хрустальных сосудах, все произведения природы сжаты для вас на золотых блюдах; нет дела, что вокруг вас раздаются стоны погибающих; вы люди мудрые, вы приучили свое сердце не увлекаться этими слабодушными движениями. Но вы не слушаете, но вы трепещете, холодный пот обдаёт вас, вам страшно. И подлинно: вода все растёт и растёт; вы отворяете окошко, зовете о помощи: вам отвечает свист бури, и белесоватые волны, как разъяренные тигры, кидаются в светлые окна. Да! в самом деле, ужасно. Еще минута, и взмокнут эти роскошные, дымчатые одежды ваших женщин! Еще минута, и то, что так отраднo отличало вас от толпы, только прибавит к вашей тяжести и повлечет вас на холодное дно. Страшно! страшно! Где же всемогущие средства науки, смеющейся над усилиями природы?.. Милостивые государи, наука замерла под вашим дыханием. [Где же великодушные люди, готовые на жертву для спасения ближнего? Милостивые государи, – вы втоптали их в землю, им уже не приподняться.] Где же сила любви, двигающей горы? Милостивые государи, вы задушили ее в ваших объятиях. Что же остается вам?.. Смерть, смерть, смерть ужасная! медленная! Но ободритесь: что ж такое смерть? Вы люди дельные, благоразумные; правда – вы презрели голубиную целость, зато постигли змеиную мудрость; неужели то, о чем посреди тонких, сметливых рассуждений ваших вы никогда и не помышляли, может быть делом столь важным? Призовите на помощь свою прозорливость, испытайте над смертью ваши обыкновенные средства: испытайте, нельзя ли обмануть ее льстивою речью? нельзя ли подкупить ее? наконец, нельзя ли оклеветать? не поймет ли она вашего многозначительного неумолимого взгляда?.. Но все тщетно! Вот уже колеблются стены, рухнуло окошко, рухнуло другое, вода хлынула в них, наполнила зал; вот в проломе явилось что-то огромное, черное... Не средство ли к спасению? Нет, черный гроб внесло в зал, – мертвый пришел посетить живых и пригласить их на свое пиршество! Свечи затрещали и погасли, волны хлещут по паркету, все поднимают и опрокидывают, что ни встретится; картины, зеркала, вазы с цветами, – все смешалось, все трещит, все валится; иногда из-под хлеста волн вынырнет испуганное лицо, раздастся пронзительный крик, и оба исчезнут в пучине; лишь поверху носится открытый гроб, то бьется об драгоценные остатки уцелевшей статуи, то снова отпрянет на средину зала...

Тщетно красавица просит о помощи, зовет мужа – она чувствует, как облипло на ней платье, как отяжелело, как тянет ее в глубину... Вдруг с треском рухнулись стены, раздался потолок, – и гроб, и все бывшее в зале волны вынесли в необозримое море... Все замолкло; лишь ревет ветер, гонит мелкие дымчатые облака перед луною, и ее свет по временам как будто синею молниею освещает грозное небо и неумолимую пучину. Открытый гроб мчится по ней; за ним волны влекут красавицу. Они одни посредине бунтующей стихии: она и мертвец, мертвец и она; нет помощи, нет спасения! Ее члены закаменели, зубы стиснулись, истощились силы; в беспамятстве она ухватилась за окраину гроба, – гроб нагибается, голова мертвеца при-

касается до головы красавицы, холодные капли с лица его падают на ее лицо, в остолбенелых глазах его упрек и насмешка. Пораженная его взором, она то оставляет гроб, то снова, мучась невольною любовью к жизни, хватается за него, – и снова гроб нагибается и лицо мертвеца висит над ее лицом, – и снова дождит на него холодными каплями, – и, не отворяя уст, мертвец хохочет: «Здравствуй, Лиза! благоразумная Лиза!..» – и непреборимая сила влечет на дно красавицу. Она чувствует: соленая вода омывает язык ее, с свистом наливается в уши, бухнет мозг в ее голове, слепнут глаза; а мертвец все тянется над нею, и слышится хохот: «Здравствуй, Лиза! благоразумная Лиза!..»...

Когда Лиза очнулась, она лежала на своей постели; солнечные лучи золотили зеленую занавеску; в длинных креслах муж, сердито зевая, разговаривал с доктором.

– Извольте видеть, – говорил доктор, – это очень ясно: всякое сильное движение души, происходящее от гнева, от болезни, [от испуга,] от горестного воспоминания, всякое такое движение действует непосредственно на сердце; сердце в свою очередь действует на мозговые нервы, которые, соединясь с наружными чувствами, нарушают их гармонию; тогда человек приходит в какое-то полусонное состояние и видит особенный мир, в котором одна половина предметов принадлежит к действительному миру, а другая половина к миру, находящемуся внутри человека...

Муж давно уже его не слушал. В то время на подъезде встретились два человека.

– Ну, что княгиня? – спросил один другого.

– Да ничего! дамские причуды! Только что испортила наш бал своим обмороком. Я уверен, что это было не что иное, как притворство... хотелось обратить внимание.

– Ах, не брани ее! – возразил первый. – Бедненькая! я чай, и без того ей досталось от мужа. Впрочем, и всякому будет досадно: он отроду не бывал еще в таком ударе; представь себе, он десять раз сряду замаскировал короля, в четверть часа выиграл пять тысяч, и если бы не...

Разговаривающие удалились.

С год спустя после этого обморока, на бале у Б***, человек пожилых лет говорил одной даме: – Ах, как я рад, что встретился с вами! у меня есть до вас просьба, княгиня. Вы будете завтра вечером дома?..

– На что вам это?

– Меня просят вам представить одного, как говорят, очень замечательного молодого человека...

– Ах, бога ради, – возразила дама с негодованием, – избавьте меня от этих замечательных молодых людей с их мечтами, чувствами, мыслями! Говоря с ними, надобно еще думать о том, что говоришь, а [думать] для меня и скучно и беспокойно. Я уж об этом объявила всем моим знакомым. Приводите ко мне таких, которые без претензий, которые прекрасно говорят [о сплетнях,] о бале, [о рауте] и только; я им буду очень рада, и для них мои двери всегда открыты...

Я долгом считаю заметить, что эта дама была княгиня, а говоривший с нею мужчина – муж ее...